

Ромена Августова

Шаг в будущее

Как развивать мышление
ребенка и научить его хорошо
понимать текст, особенно
в «безнадежных» случаях

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Современная психология

Ромена Августова

**Шаг в будущее. Как развивать
мышление ребенка и научить
его хорошо понимать текст,
особенно в «безнадежных» случаях**

«Этерна»

2020

УДК 159.9
ББК 88.8

Августова Р. Т.

Шаг в будущее. Как развивать мышление ребенка и научить его хорошо понимать текст, особенно в «безнадежных» случаях / Р. Т. Августова — «Этерна», 2020 — (Современная психология)

ISBN 978-5-480-00413-7

В книге обобщен многолетний опыт автора по обучению детей с различными неврологическими заболеваниями. Ромена Теодоровна Августова – педагог от Бога. Любовь к ребенку и искреннее желание раскрыть его таланты – вот основа ее метода. У нее непростые ученики, но это не значит, что родителям так называемых обычных детей не стоит заглядывать в эту книгу. Еще как стоит! Эта книга предназначена в первую очередь родителям, бабушкам и дедушкам, а также учителям, воспитателям, психологам, логопедам-дефектологам – всем, кто имеет детей и работает с ними. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9
ББК 88.8

ISBN 978-5-480-00413-7

© Августова Р. Т., 2020
© Этерна, 2020

Содержание

Вступление	6
«...И стали думать о самом дорогом – о своих близких»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ромена Теодоровна Августова
Шаг в будущее. Как развивать мышление
ребенка и научить его хорошо понимать
текст, особенно в «безнадежных» случаях

© Р.Т. Августова, 2020

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2020

Вступление

В моей новой книге вы встретитесь с уже знакомыми героями, а также с малышами, которые пришли на смену детям, поступившим в школу. Каждый такой малыш похож на своих собратьев и вместе с тем имеет свои особенности, а это значит, что с приходом каждого нового ученика методика дополнительно обогащается новыми приемами к уже имеющимся. Каждый из ребят вносит в нее что-то свое, уж не говоря о ставших всем известными Ване А. и Грише Д. – материала, накопленного в занятиях с ними, хватит еще на несколько книг.

Безусловно, лучшим средством обучения моей методике стала бы серия фильмов, последовательно, серия за серией, демонстрирующих все этапы речевого развития ребенка, но реализовать такой проект не представляется возможным. В этом случае пришлось бы в течение долгого времени последовательно снимать процесс обучения, все его отдельные этапы. Прежде всего, это невозможно из-за моих жилищных условий, а кроме того, родители, как правило, не хотят, чтобы их дети с синдромом Дауна фигурировали в интернет-пространстве. Фильм «Я приду к вам» был снят в 2004 году и рассчитан, так сказать, на внутреннее употребление. В этом году, то есть через 15 лет, он появился в интернете. Чья это была инициатива, мне неизвестно, скажу только, что методическим пособием по обучению детей он не является.

Дети говорят, читают, пишут красивым почерком, а если задерживаются у меня на более длительный срок, то пишут не только красиво, но еще и грамотно. Казалось бы, чего еще желать? Однако остановиться на этом мы не можем. Что делать дальше?

Только сам ученик, только тщательная работа с ним могут дать педагогу ответ на этот вопрос. Став старше, ребенок должен учиться думать, рассуждать, доискиваться до сути вещей, задавать самому себе вопросы и самому же на них отвечать. Последовательно, шаг за шагом он должен осваивать еще не освоенное. Книги, которые он читает, стали куда более содержательными, не все в них лежит на поверхности. Чем руководствуются герои прочитанных рассказов и повестей, что ими движет? Какова логика их поступков, почему они поступают так, а не иначе? Кто из них тебе нравится? С кем ты и почему? Чего ты хочешь сам, к чему стремишься? Окружающая жизнь то и дело ставит перед тобой вопросы, как и чем ты можешь на них ответить?

Помимо детей есть еще их родители. Очередная книга вышла в свет, родители прочитали ее и обращаются ко мне с вопросами, но куда чаще с просьбами. Они хотели бы, чтобы я занялась с их ребенком и научила его всему тому, чему они должны были бы научить его сами.

Дорогие родители, в любом случае всего важнее ваш собственный опыт, по книге нужно работать самому. Без книг, без разумных советов, без хороших педагогов не обойтись, но не забывайте, что вашему ребенку прежде всего нужны вы сами. Всем вам я желаю терпения, настойчивости, уверенности в собственных силах и в конечном счете больших успехов.

«...И стали думать о самом дорогом – о своих близких»

Никто не учит нормального ребенка говорить, этим не занимаются специально. Безусловно, мы не молчим, малыш постоянно слышит речь окружающих его людей, к нему обращаются с вопросами – хоть он на них и не ответит, но, по крайней мере, подумает, что эти вопросы означают. В помощи логопеда ребенок нуждается только в том случае, если не совсем верно произносит отдельные звуки, вообще же говорить он учится сам. Главное для него – находиться в языковой среде. Совсем маленький ребенок каким-то непостижимым образом постигает систему и законы родного языка и уже в возрасте 4–5 лет может порадовать родителей вполне развитой речью, а кроме того – интересными наблюдениями и логическими выводами. Нормальный ребенок самообучаем не только в отношении речи, но во многом самодостаточен и в отношении умственного развития.

Как-то вечером, когда стемнело, мой племянник Тимур вывел своего трехлетнего сына на крыльцо дачи, чтобы показать ему ночное небо:

– Видишь, какое огромное небо. И все в звездах. Тысячи звезд сияют над нами. Это космос, туда летают космонавты.

– *Зачем говорить «космос»? – ответил ребенок. – Назвали бы лучше «звездунца».*

Малыш мгновенно оценил ситуацию, слово «космос» для обозначения небесного пространства ему не понравилось, и он предложил другое, по его мнению гораздо более подходящее, включающее в себя не просто некую конкретику, а нечто роскошное, волшебное – обилие звезд. К тому же еще и слово с не самым употребительным суффиксом – в возрасте трех лет на слуху у малышек гораздо чаще оказываются «кошечки», «собачки», «домики», «машинки», «ручки», «ножки» и «головки», чем «корица», «криница», «темница», «десница», «вереница», «горница», «колесница» и т. п. Разве что знакомыми окажутся «лисица», «курица», «птица», но опять-таки скорее в варианте «лисичка», «курочка» и «птичка».

А это история о самом Тимуре. Как-то с маленьким Тимуром мы поехали в Переделкино, где в Доме литераторов вместе со своей старинной подругой Е.Ф. Куниной отдыхала А.И. Цветаева, с которой мы были в большой дружбе. Мы встретились, немного пообщались, и Анастасия Ивановна с Евгенией Филипповной пошли на обед. Из столовой они вернулись с большой тарелкой еды – это уже для нас. Тимур тихо спросил меня: «А эти бедные старушки платили деньги за еду?» Вопрос показался мне странным, поскольку мама Тимура, моя сестра, вечно кого-то кормила и угощала, и ни о каких деньгах речи там не шло.

Мы поели, и Анастасия Ивановна с Евгенией Филипповной принялись нас развлекать. Анастасия Ивановна рассказала о местных кошках, которых она подкармливала, а Евгения Филипповна плохо себя чувствовала и, вернувшись из столовой, тут же легла на кровать. «Вот видишь, Тимур, – сказала она, – я летчик. Самолет мой подбит, я лежу в ущелье и жду спасенья». Потом мы с Тимуром отправились обратно в Москву, и Анастасия Ивановна пошла нас провожать.

– Ну вот, Тимур, – сказала она, – наконец-то я тебя увидела, а то все букеты тебе передаю через тетю, конфеты, книжки да пряники.

– *А я Вам передаю...*

– Что-что? – Анастасия Ивановна приложила руку к уху.

– *А я Вам передаю и той тете, которая летчик, чтобы Вы как можно дольше жили, – зардевшись, сказал ребенок, которому не было еще и пяти лет.*

Студенткой музыкального училища им. Гнесиных я работала в летнем лагере для детей дипломатов и высшего партийного руководства. К слову сказать, это были очень славные дети, простые, без всякой фанатерии и заносчивости. Был там даже внук Брежнева, очень симпатичный, самый обычный десятилетний мальчик. Дети пели в хоре, я развлекала их слушанием

лекций из истории музыкальной культуры. Среди ребят были две девочки, дочери секретаря Коммунистической партии Ирака Саяма Адиля – он сидел в иракской тюрьме, где и погиб. Одной девочке было 5 лет, другой 9, вместе с матерью их вывезли из Ирака в Советский Союз и тем спасли. В Ираке остались их бабушка и одиннадцатилетний брат. Девочка пяти лет, очаровательная, очень живая и музыкальная, не умолкала с утра до ночи и говорила по-русски очень чисто. Ее девятилетняя сестра изъяснялась уже не так свободно и с весьма заметным акцентом. Что касается мамы, то хотя к ней со всех сторон были приставлены педагоги, сказать она могла лишь два слова – «здравствуйте» и «спасибо».

С нормальным ребенком все ясно. Мы отдаем его в школу, затем он поступает в институт, изучает иностранные языки – все это помогает ему стать образованным человеком, хорошим специалистом и т. д. Однако образованность отнюдь не всегда эквивалент выдающегося ума. В какой-нибудь дореволюционной деревне не слишком много находилось грамотных людей (не было там, как известно, ни школ, ни, тем более, вузов), но назвать всех их людьми глупыми мы никак не можем: они обладали и сметкой, и хваткой, словом всем тем, что мы называем народной мудростью. Все село приходило иной раз за советом к старику, ни читать, ни писать не умевшему, однако мудростью этой обладающему. Мудрости его научила жизнь, жизненный опыт, природная пытливость и способность ума к саморазвитию.

Мне скажут – все это хорошо, более того – прекрасно, но какое отношение имеет к детям с синдромом Дауна? Прямое. Способность к саморазвитию, которой обладает любой нормальный ребенок, точно так же вложена в них природой, и наша задача – открыть эту способность.

Ребенок с синдромом Дауна поздно начинает говорить, на обучение речи уходит много времени. Между учителем и учеником, который говорить не умеет, нет подлинного взаимодействия, участником диалога, собеседником такой ученик становится слишком поздно. А ведь если мы понаблюдаем за отношениями крошечного малыша без какой-либо патологии и его мамы, то это именно **взаимодействие**. Ребенок вступает в него, используя не понятные никому, кроме матери, лепетанье, обрывки каких-то словечек, которые он подкрепляет жестами, телодвижениями, выражением лица, улыбкой, если он чему-то рад, гримасой – если недоволен. Между нормальным ребенком и его матерью происходит обмен – с его стороны зарождающимися мыслями, с ее стороны – всяческим поощрением этих попыток. Проходит совсем немного времени, ребенок растет, развивается, и зарождающиеся мысли приобретают у него словесную форму.

На то, чтобы обучить ребенка с синдромом Дауна говорить, читать, обслуживать себя, уходит слишком много времени. Вот он уже подросток, вот перед нами юноша либо девушка, но мыслят они и действуют на уровне весьма далеком от нормы. У окружающих создается впечатление, более того – убеждение в том, что интеллектуальное развитие людей с синдромом Дауна ограничено во времени, имеет некий возрастной предел, и предел этот обнаруживается достаточно рано – взрослым в отношении интеллекта человек с синдромом Дауна не становится никогда. Развивай его, не развивай – больших успехов не добьешься.

Совсем недавно дети с синдромом Дауна вообще считались необучаемыми. В своих предыдущих книгах я уже приводила примеры того, как выражают свои мысли эти так называемые необучаемые. У меня хранится огромное количество тетрадей с записями, поражающих особой самобытностью высказываний – ребенок говорил, я записывала. Записей этих великое множество, в них нет ни моих подсказок, ни каких-либо правок. Как-то с писателем Виктором Петровичем Астафьевым мы обсуждали этот вопрос, и он сказал: «Детскую речь подделывать невозможно, чью угодно, любую, только не речь ребенка». Я ничего не подделывала, и мне очень хотелось бы издать это свое собрание, чтобы доказать всем и каждому: дети эти не только обучаемы – их возможности гораздо шире, чем это принято считать. Боюсь только, что

расшифровать мои записи будет трудно – стенографией я не владею, писать мне приходилось очень быстро, сокращая каждое слово.

– Ваня, иди ешь!

– *Я пою, исполняю музыку, а ты меня прерываешь супом.*

– *Кота мне не надо. Какой смысл в коте?*

– *Петух вынимает из кармана часы и кукарекает.*

А вот пересказ «Дюймовочки»:

– *Явилась жаба. У нее была такая проблема: хотела выдать сына замуж.*

И это еще далеко не все. Придумать такое в подражание детской речи невозможно. Можно только подивиться тому, что все это сказано ребенком, которого кто-то по собственному недомыслию считает несмышленищем.

На урок приходит Люба. Заставлять говорить пятилетнюю Любу не приходится, она начинает говорить, не успеешь открыть дверь. Девочка моментально подхватывает новые, отнюдь не простые слова и немедленно вводит их в свою речь. Что в приведенных отрывках ощущается прежде всего, так это бойкость и полная непосредственность:

– *Я слушала песню про маркизу. Маркиз – это кот. Там слова: «Жил да был черный кот за углом, и кота ненавидел весь дом». А про маркизу другая песня: «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо». Про медведя еще вот это: «Ложкой снег мешая, ночь идет большая». Медведица поет медвежонку. Песня грустная. Есть еще «Арамзамзам». Это для упражнений и танцев.*

У меня есть игрушки. Зайчик и еще один зайчик. Есть Лук-кукла (Чиполлино. – Р.А.). Кормлю орешками, а дальше пошли спать! Есть подушка, почему-то нет покрывала (так у Любы. – Р.А.). Поспят, встанут и пойдут играть.

А вот как приблизительно через год она пересказывала рассказ «Вера и Анфиса» Э. Успенского – все это, как видим, в дошкольном возрасте.

– *Бабушка сказала внучке: «Иди в магазин и купи хлеба и другие продукты». Рядом сидела обезьяна и сказала: «Я тоже пойду в магазин». Вот пошли они. И обезьяна взяла без спросу хлеб, а девочка кричит: «Нельзя таскать в магазине хлеб! Уйди из магазина! И притом лапы грязные!» Она ушла и сидела на палке, где витрина. Собака была на улице и ждала хозяина. Пришла кошка, вышла из магазина, там много мышей в магазине. У нее было сердитое лицо. Обезьяна и собака хотят познакомиться, спрашивают: «Как тебя зовут?». Никак. Она не говорит. Собака разозлилась, гонит кошку, мчит за ней. Горит красный свет, а она бежит под машину. И улеглась на дороге. Шофер увидел из окна машины, что кошка валяется на улице, и кричит: «Какой ужас!». И пришлось вызвать «скорую помощь». Вот она и уехала в больницу.*

Пошли дети (девочка и обезьяна. – Р.А.) домой, забыли, где дом. «Почему плачете? Я милиционер и покажу вам дом, вашу квартиру».

Вот пришли они. «О, молодцы!».

Наконец дети пришли, и обезьяна пришла, и милиционер. Бабушка несет суп. Будем сейчас обедать! А обезьяна лежит там на кровати (в больнице. – Р.А.) и нога в бинте¹.

В комнату входит Таисия и видит Любу, сидящую на диване. Урок у нее закончился, сейчас она уступит Таисии место на диване и отправится домой. У Таисии другой план.

---

¹ Хочу еще и еще раз специально оговорить: я цитирую в своих книгах только первоначальную запись того, что и как было сказано ребенком, без подсказок и корректив. Если по ходу дела вы задаете ученику наводящие вопросы, вносите поправки и дополнения и затем записываете, то это, безусловно, служит нашей общей цели – дальнейшему развитию речи ребенка, но не может служить иллюстрацией того, как он говорит на данный момент. Речь его в такой записи делается слишком гладкой и теряет свою непосредственность и индивидуальность. Разумеется, вариант с поправками тоже имеет право на существование, но в этом случае должен быть записан весь ход рассуждений – ваши вопросы, ответы ребенка, поправки, умозаключения. – Прим. авт.

– *Моя лучшая подруга Люба сидит на диване! Сейчас мы с ней пойдем в магазин, купим всякую всячину и отправимся на пикничок. Отлично проведем время.*

Все это с ходу, без раздумий. Мечта о пикнике Таисию долго не покидает, она будет говорить о нем еще не один раз в разных вариантах. Таисии 5 лет. Люба немного старше. До сих пор она и не подозревала, что является лучшей подругой Таисии. Они встречались в коридоре – одна уходила с урока, другая приходила на урок. Однако Люба охотно подхватывает идею Таисии, и они вдвоем принимаются обсуждать детали предстоящего пикника. В 3,5 года Таисия говорила пять слов, как видим, к пяти годам научилась говорить совершенно свободно – свидетельство об этом ее отца имеется на последней странице обложки моей книги «В начале было слово».

Слова «всякая всячина», «пикничок», «лучшая подруга» никто с Таисией не заучивал. Схваченные на лету, неизвестно когда и где прозвучавшие, они закрепились в ее памяти так же, как множество других слов и речевых оборотов. Таким же непостижимым образом, каким восьмилетний ребенок с синдромом Дауна смог овладеть **тремя языками**.

Девочка по имени Рим и ее мама жили в Москве. Рим было 5 лет, когда она начала у меня заниматься. Довольно быстро она заговорила по-русски, однако пришло время вернуться на родину в Марокко, и ее мама переживала, как дочка будет общаться с родными, которые русского языка не знали. Соответственно, Рим не только не говорила на родном языке, но никогда его даже не слышала – отец ее был русским, и в московской семье говорили по-русски. Через полгода я получила из Марокко письмо, в котором мама девочки писала, что там Рим пошла в детский сад и очень быстро адаптировалась. В письме, полученном мною еще через год, было сказано следующее: «Она очень хорошо говорит по-арабски и по-французски. Я продолжаю говорить с ней по-русски и читать ей русские сказки». Рим было в ту пору 8 лет. Письма у меня сохранились, желающие могут с ними ознакомиться.

Еще пример. Как-то пятилетний Кирилл с мамой навестили меня в больнице. Я встретила их у лифта, в мою палату вел длинный коридор, с обеих сторон которого располагались кабинеты. Кирилл шел по коридору, останавливался перед каждой дверью и читал то, что было написано на этих табличках. Прочитав все, что было написано с правой стороны коридора, он вернулся назад, чтобы прочесть, что было написано по левую сторону. Из экономии места привожу здесь только написанное на правой стороне:

- инженер по медтехнике
- старшая медицинская сестра
- массаж
- ингаляция
- лечебная физкультура
- врач-физиотерапевт
- электролечение
- теплечение
- кабинет электрокардиографии
- центральная стерилизационная
- служебное помещение
- выдача стерильного материала.

Бойко выговорить эти слова Кириллу было трудно, но прочесть их он смог.

К сожалению, должна заметить: Кирилл вот уже год ездит на занятия ко мне раз в неделю. Это не замедлило сказаться на всем, чего мы достигли: вместо того, чтобы успешно двигаться вперед, он, как я выражаюсь в таких случаях, сильно «отстает от самого себя». Родители работают с утра до ночи, выплачивая ипотеку, и с мальчиком занимается его дядя. Дядю я никогда в жизни не видела, так же, как и он меня, и насколько я могу судить, действует он по привычной ему схеме. В любом случае, спасибо ему за участие и желание помочь ребенку. Иной раз к делу

подключается бабушка, в деревню к которой Кирилл довольно часто ездит отдыхать. Тогда наши уроки и вовсе прекращаются. Вообще же это совершенно замечательный мальчик, очень способный, с великолепно развитой речью, и я очень надеюсь, что все вернется на круги своя.

Реакция кое-кого из педагогов на подобного рода успехи бывает иной раз весьма неожиданной. Кирилл посещает обычный детский сад, он давно уже хорошо говорит, свободно общается с детьми.

– Почему ваш ребенок ходит в нормальный детский сад? – спрашивают маму Кирилла логопеды из комиссии по подготовке к школе.

– Ну, он свободно там чувствует себя, разговаривает с детьми, общается с ними, может чему-то поучиться, – отвечает мама.

Вот ответ логопедов:

– А вы не подумали о том, что если бы он ходил в коррекционный детский сад, это повысило бы его самооценку? Там он почувствовал бы себя лидером. Видимо, в данном случае имеется ввиду ощущение ребенком чувства некоего своего превосходства. Это чувство особенно уместно, если речь идет о превосходстве над сверстниками-инвалидами, детьми с синдромом Дауна. Замечательно!

За Гришей Данилевским я записала рассказ о его путешествии в Африку. Было тогда автору лет семь, летел он туда на ковре-самолете, потерпел аварию и свалился в Красное море, откуда его выловили сачком. Домой Гриша возвратился в настоящем самолете, поскольку ковры-самолеты в Москву не летают. Рассказ изобилует увлекательнейшими подробностями, из Гриши мог бы получиться замечательный писатель-фантаст. В Африку Гриша отправился для изучения змей, а змеи были нужны ему *«для создания из их яда философского камня, который изобрел Николас Фламель»* (слыхали про такое? – Р.А.). Полностью рассказ будет опубликован в моей следующей книге, посвященной изучению детьми географии и истории.

Однажды я собрался в путешествие на ковре-самолете. Сначала я попрощался с матерью и отправился в путешествие. Я взял с собой фонарь и оделся в теплую одежду, чтобы не было холодно в полете. Еще я брал с собой рюкзак, в котором была еда.

Полет был чудесный. Небо было голубое. Я проносился над землей и видел внизу деревья, горы, чахлые домики и птиц, которые летали внизу. Я хорошо проводил время: ел пищу, которую брал с собой. Я взял с собой сосиски, хлеб и яички. Я зажег фонарь, чтобы освещать себе путь. Я видел месяц и звезды. Звезды были похожи на маленькие гвоздики. Небо было розовое.

Я пролетал над Красным морем. Я посмотрел вниз и увидел, как бились волны. Я свесился вниз, чтобы лучше посмотреть, и мой ковер чуть не перевернулся вместе со мной. Скоро мой ковер-самолет все-таки упал в море, потому что я обжелея так, что стал толстым и тяжелым. Вода была очень холодная. Мой фонарь был за пазухой. На берегу моря стоял один трактор, в котором сидел человек, который был моим спасителем. Он достал меня из воды сачком. Я ему сказал спасибо и пошел в Африку пешком.

Скоро я пришел в Африку и отправился в джунгли. Я был мальчиком-ученым. Я изучал змей. Я рассматривал шкуру змей. Она была черная с блестящими чешуйками. Эти змеи ползли ко мне со всех сторон. Я подставил руку, и змеи на эту руку выпускали свой яд. Я собрал этот яд в баночку и отправился домой. Яд мне нужен был для создания философского камня, который изобретал Николас Фламель.

А это в возрасте двенадцати лет пишет Ваня А. – ни одной моей подсказки, ни одной корректировки:

Я случайно наткнулся на передачу про макак-резусов. Они живут в джунглях, но целые поколения этих обезьян перебрались в город, и там начался разбой. Есть люди, которые поклоняются богу обезьян и приносят лакомые кусочки священным животным. У обезьян очень странный характер. Обезьяны – народ неугомонный. Они воруют на базарах, лезут прямо в торговые ряды, отнимают продукты и, как ветер, убегают. Им нужны приключе-

ния и драки, хочется драться, кусаться, царапаться до крови, отбирать у женщин и детей мороженое и сумочки, они лезут в такси, от них никому нет покоя.

Горожане понимают, что обезьяны стали невыносимыми: «Они превращают нашу жизнь в ад и отравляют нам жизнь».

Горожане жалуются главе города. Глава города за круглым столом собирает своих людей и говорит, что их надо отлавливать

– Кого «их»? – спрашиваю я, – Людей?

Ваня хохочет. Он говорит, что обезьян надо отлавливать.

– И начинается отлов обезьян, их увозят за пределы города в джунгли.

Дорогие родители, это пишет мальчик с синдромом Дауна, такой же ребенок, как ваши дети. И если Гриша очень скоро заявил о себе как очень талантливый ребенок, то Ваня ничем особенным от других детей не отличался. Его достижения – это результат большого труда: моего, Ваниного дедушки и самого Вани. Все, о чем пишет Ваня, отличает эрудиция, свободное владение словом – настолько свободное, что, никогда не писавший канцелярских отчетов, он легко справляется с поручением описать поездку коллектива ребят в город Брянск. При этом, избегая присущих таким отчетам сухости и канцелярщины, мальчик, как опытный журналист, оживляет изложение, вводя как будто бы незаметные замечания, придающие отчету легкость и непосредственность.

Отчет о поездке в г. Брянск от Алексева Ивана (записан Иваном лично).

19 апреля – поездка в г. Брянск.

Ваня, Паша, Вова, Егор и Миша собрали в сумки вещи – одежду, средства личной гигиены, одежду для выступлений – и поехали на большом удобном автобусе вместе со своим самостоятельным театром и педагогами и Л.И. Кац в г. Брянск. Далеко и долго ехали, в пути останавливались в разных дорожных кафеешках, но все-таки приехали в старинный город Брянск.

20 апреля – мы в Брянске, в гостинице «Брянск» жили в номерах по два человека, был шведский стол. Мы в этот день много гуляли: видели партизанский лес, курган бессмертия, ездили на конюшню, где все катались на лошадях, посетили монастырь.

21 апреля наш образцовый театр выступал в одной из школ города, где показал программу «Люблю тебя, моя Россия», новые композиции «Васильки», «Светит месяц», «Горница», «Кадриль», старые номера и экологическую программу. Кроме нас выступали и другие ребята. Нам было интересно посмотреть другие коллективы.

В нашу поездку у Дениса Лескина был день рождения. Мы дружно поздравили нашего друга и весело отметили этот праздник – пели песни, дудели, хлопали хлопучиками.

22 апреля мы собрали свои вещи, погрузились в автобус и выехали из г. Брянска. Ехали весело, разговаривали увлеченно, пели разные песни, разыгрывали призывы, вспоминали поездку, не скучали. Дорога пролетела быстро. Домой приехали усталые, но у нас остались позитивные, яркие воспоминания о городе, о новых друзьях. Поездка удалась на «отлично». Ребятам так понравился город Брянск, что мы хотели бы туда вернуться. Спасибо за поездку Л.И. Кац и АРДИ «СВЕТ».

Способностями и более того – сверхспособностями – могут обладать не только нормальные дети, среди детей с синдромом Дауна они тоже встречаются. Всем хорошо известно, что даунята очень музыкальны. Лично мне пришлось познакомиться не просто с дауненком, любящим музыку, но с музыкальным феноменом по имени Миша. Мише 6 лет, он очень сильно отличается от своих сверстников-даунят. Он не говорит, не может показать, где у него мама, а где папа, не говоря уже о чем-то более сложном. Громким плачем Миша выражает свое нетерпение и недовольство. Единственный способ остановить его в ту же секунду – это включить музыку. А музыка, которую он слушает, это не детские песенки, а серьезная классика: прелю-

дии и мазурки Шопена, экспромты Шуберта, 40-я симфония Моцарта, фортепьянные произведения русских композиторов.

Шестилетний Миша с синдромом Дауна обладает совершенно уникальным музыкальным восприятием. Я, много лет преподававшая детям музыку, посетившая бесчисленное множество концертов и музыкальных конкурсов, работавшая на международном музыкальном канале, словом, в музыке далеко не профан, ничего подобного в своей практике не встречала. Миша воспринимает не только музыку Шопена и Моцарта, но и куда более сложную, насыщенную глубочайшим философским содержанием музыку Баха. Он слушает ее, полностью отключившись от всего происходящего вокруг, его лицо приобретает совершенно недетское выражение, еле уловимым движением бровей, выражением глаз он реагирует на изменение темпа, тембра, тональности. Удивительный мальчик!

«Вот Моцарт», – стараясь не нарушить торжественную тишину ожидания, говорила я, включая затем симфонию Моцарта. «Во мо», – в один прекрасный день сказал Миша, указывая на стоявшую перед ним на столе колонку, из которой полились хорошо знакомые ему звуки.

Долго заниматься с Мишей мне не пришлось, но я надеюсь продолжить с ним наше знакомство.

Был у меня еще один ученик, который в самом юном возрасте проявил интерес к музыке, вечно тянулся к электронному пианино, нажимал на клавиши и прислушивался к тому, как они звучат. Звали его Лева, и было ему тогда 3 года. Когда Лева подрос, его отдали в музыкальную школу. Мы не встречались с ним 8 лет, но время от времени я перезванивалась с его родителями. Как-то раз 13-летний Лева вмешался в очередной телефонный разговор. «*Давай я тебе сыграю*», – сказал он (говорит он, кстати, очень хорошо). По междугородней связи я прослушала прелюдию Баха в его исполнении. Прелюдия была сыграна безукоризненно – ни одной фальшивой ноты, идеальный ритм, все четко, грамотно. Поставив в своем исполнении победную точку, Лева спросил меня: «*Ну как?*»

На данный момент Лева 14 лет. Педагоги музыкальной школы, которую он блестяще закончил, настоятельно советуют ему поступать в музыкальное училище, стать профессиональным музыкантом. Я думаю, из него получится очень неплохой концертмейстер.

Самое замечательное, удивительное и обнадеживающее – эти дети любят учиться. Очень скоро всевозможные завлекалочки вроде кусочков банана либо призов в виде машинок («скажи “ба”, и дам тебе машинку») становятся не нужны, ребенок приходит именно учиться, а не развлекаться. Урок окончен, можно идти домой, но Дёма ищет любой предлог, чтобы остаться. Он открывает ящик за ящиком в поисках новых карточек, стаскивает с подоконника книги – авось повезет, и ему удастся заинтересовать меня новой сказкой, мы опять сядем на диван и примемся за работу.

А вот малыш двух с половиной лет, вполне готовый к отправке домой, одетый в куртку и обутый в сапоги, ложится в коридоре на пол, затем встает и направляется в комнату. «*Заниматься!*»

Мы с бабушкой долго не могли отправить домой дауненка, притом еще и аутиста – полчаса уговаривали, ходили за ним из коридора в комнату и обратно, наконец вывели на улицу. Придя на следующий урок, бабушка сказала мне: «Вы думаете, он пошел домой? Он сел на крыльцо и заплакал».

Виталик едет в машине по моей улице, подскакивает, кричит: «*К Ромене!*». Однако машина едет дальше. Виталик болел, давно не был и придет ко мне еще не скоро.

Таисия идет домой, стоит перед дверью, урок окончен. «*Мама! – объявляет она, – на полдиване буду спать я, а на полдиване – Ромена*». И дело здесь не в Ромене, а в самом ребенке. Таисия хочет остаться у меня, чтобы с утра снова взяться за работу. Это ей нужно, она сама очень этого желает.

Как-то летом, приехав в Калининград на отдых, я стала заниматься с мальчиком Темой. Мы заучивали слоги и слова, смотрели и обсуждали мультфильм «Маша и медведь», словом, все как полагается. Через год я приехала снова, позвонила в знакомую дверь, родители Темы, ставшие моими большими друзьями, радостно мне открыли. Я вошла в коридор как раз в тот момент, когда там находился Тема. Вместо того, чтобы подойти и поздороваться, в ту же секунду Тема метнулся из коридора в комнату. «Интересно знать, отчего он так переполошился», – подумала я. Вошла в комнату и увидела, что мальчик включил телевизор, в левой руке держит пульт, а правой торопливо перебирает диски – выискивает именно нужную нам серию «Маши и медведя». Затем он подтащил к дивану большой мешок с разноцветными шарами – мы радостно бросали их, когда у Темы получался очередной слог, потом эти шары собирали и считали.

Прошел год, Тема ничего не забыл, сориентировался буквально в секунду, только взглянув на меня.

«Я хочу к Ромене читать и писать!» – твердит Вася, который когда-то занимался у меня, потом пошел в школу, затем окончил колледж и теперь сидит дома и изнывает от скуки, поскольку работой он не обеспечен, и деваться ему некуда. *«Ромена будет рада!»* – шепчет он, если что-то ему уж очень удалось. *«Жаль, что Ромена не видит, как цветут яблони»*, – это говорит мальчик, живущий на Украине, который тоже рвется в Москву на занятия. Прошло уже 8 лет, как он побывал здесь, а вот помнит!

Из урока в урок Максим заявляет мне: *«Я у тебя останусь»*. И это вовсе не потому, что дома ему скучно, одиноко, ему уделяют мало внимания, кто-то притесняет и тому подобное. Вот уже чего не скажешь об этой семье! Родители неотступно следят за его воспитанием, образованием, здоровьем, отдыхом. Просто мы с Максимом друзья в наилучшем смысле этого слова. Максим стремится к более полному, свободному, не ограниченному во времени общению, а на уроке у нас с ним столько работы, что просто поболтать, сыграть в лото либо в любимую нашу игру «Черная свинья» мы не успеваем. И Максим предлагает:

– *Я останусь у тебя на три дня. Мама меня заберет с урока и отвезет домой, а ты пойдешь в магазин и купишь еды. Все приготовишь, и мама меня опять к тебе привезет. Мы пообедаем, и дальше все будет хорошо.*

– Что будет хорошо? Опять на меня свалятся всякие труды. Ты мне хотя бы поможешь?

– *С радостью. Я буду все-все делать. Будет обед, потом надо будет все убрать, а потом сядем играть в «свинью».*

– А кто будет готовить обед?

– *Я буду готовить.*

– Ты такой же повар, как и я, и есть нам будет нечего. А почему ты вообще решил ко мне перебраться?

– *Ты видишь мой глаз? Посмотри. Синяк видишь? Меня Алеша Щелкунчиком ударил прямо в глаз. Нельзя такие игрушки дарить детям на Новый год. Вот я принес тебе мусорный бак, который ты Алеше подарила. Пусть посидит без бака.*

– Но ведь он не нарочно!

– *Нет. Специально так сделал.*

– Алеша сказал, там какой-то кенгуренок был в баке, куда он девался?

– *А не знаю! Пропал и все.*

Думаю, это была маленькая месть Максима четырехлетнему брату. Мусорный бак – точная копия настоящего мусорного бака. Алеше он очень полюбился, пришлось бак отдать, хотя мне он тоже нравился.

Наш диалог записан слово в слово. Максиму 10 лет. Как видим, он свободно поддерживает разговор, вполне владеет разговорной речью, последовательно перечисляет то, что он

собирается у меня делать. Меня особенно радует употребление им слов «с радостью» и «специально». Это уже особый оттенок отношения к тому, что мы с ним обсуждаем, несознаваемый, но точный.

Вообще в последнее время, приходя на урок, Максим с порога захватывает инициативу: *«Ты занимайся своими делами, а я тут все разложу. Сначала примусь за чтение, прочитаю про муравья, потом буду рассматривать карточки и выговаривать трудные слова, потом я буду писать...»* Ну и так далее. Точно так же, с чувством, толком, расстановкой он рассказывает мне, чем они с братом занимались дома. И не просто рассказывает: он именно излагает события, стараясь ничего не упустить довести до моего сведения самое, по его мнению, главное.

Ничего подобного от нормального ребенка ждать не приходится. С урока дети вылетают с радостными криками, ошалев от счастья, и никакого моего педагогического таланта не хватило бы, чтобы их удержать. Они рвутся на свободу, к своим делам, к своим друзьям и тосковать по урокам физики, химии, литературы или еще каким-то им в голову не придет. 1 сентября они с удовольствием возвращаются в школу, рады встретиться с учителями и одноклассниками, у них есть предпочтения, свои любимые предметы, но это совсем другое дело. Школьные друзья остаются друзьями иной раз на всю жизнь, с кем-то из педагогов складываются хорошие, долгосрочные отношения, но жизнь идет вперед, и куда более важным становится не то, что было, а то, что есть и будет.

Ребенок с так называемыми «ограниченными возможностями» мало того, что успешно учится говорить, читать, писать и думать – мы открываем в нем еще и удивительный мир души, его чутье, его способность и через 10, и через 20 лет сохранить в этой душе то, что мы называем «памятью сердца». А память сердца, быть может, и есть самое главное в человеке.

Следует, однако, внести некоторую ясность. «К Ромене!» для Виталика, едущего в машине мимо моего дома, вовсе не означает какой-то несусветной любви и привязанности. Это означает приехать на урок и работать. Вставая с пола и направляясь к дивану, ребенок идет учиться, а не развлекаться. Я для него педагог, совместно мы не развлекаемся, а трудимся, да еще как! И на всю жизнь ребенок запоминает именно наше сотрудничество, а не добрую тетю, с которой можно прекрасно провести время, не сильно напрягаясь.

Это о детях. Поговорим теперь о родителях. Я с бесконечным уважением отношусь к людям, которые не оставили своего ребенка сиротой при живых родителях, к папам и мамам, чья совесть не позволила им отречься от малыша. Взять-то они его из роддома взяли, но дальше что? Как растить, чему учить? Ничего, как-нибудь справимся – есть логопеды, есть коррекционные школы, в семье растут еще дети, есть игрушки, книжки, мультики. Слава Богу, опыт имеется, что-нибудь и сами придумаем.

Шестилетний Миша, поразивший меня своим восприятием классической музыки, был особенным ребенком еще и в том смысле, что в окружающей действительности ориентировался очень плохо, а лучше сказать, вовсе не ориентировался. Папа всячески развивал его физически. Он утверждал, что физическое развитие в конечном итоге приведет Мишу к развитию умственному, а потому до квартиры, расположенной на четвертом этаже, Миша добирался пешком за ручку с папой. Папа подбрасывал его до потолка, разминал ему руки и ноги, подтягивал, вытягивал, словом, делал все, что мог. Затем к делу подключили меня, поскольку я находилась поблизости, наслаждаясь летним отдыхом. Для начала я посоветовала родителям положить на стол перед Мишей фотографии папы и мамы – пусть научится пальцем показывать, где папа и где мама, уж папу от мамы и маму от папы он отличить должен. Я объяснила родителям: постепенно мы будем сначала по отдельности, а потом попарно прибавлять к этим двум карточкам изображения предметов, которые постоянно оказываются у него перед глазами

и которыми он, так или иначе, пользуется. Где тут тарелка, а где ложка, где диван, а где стул, где трусики, где майка, где сандалии, где сапожки – пусть отличит одно от другого и поймет, что каждый из этих предметов имеет свое название, и это название надо запомнить. Если вы просто возьмете ребенка за палец, поднесете этот палец к изображению на карточке и затем со словами «покажи, где котик» поможете ему ткнуть пальцем в изображение котика, то это будет не совсем то, что требуется. Ребенок должен **сравнить, понять, выбрать и запомнить**. Ничего этого Миша не умел. Слова для него ничего не значили, он их не понимал. И конечно, Миша гораздо скорее научился показывать пальцем, где папа, а где мама, чем делал это с тарелкой и ложкой. Еще бы!

Мишиным родителям я сказала: «Идете вы с ним купаться в море – положите на дорожке какую-нибудь поперечину, бревнышко либо дощечку. Всякий раз говорите ему “Переступи!”, пусть совершит это действие по команде. Постарайтесь приучить его выполнять команду “возьми”. Поднимаете к потолку – “высоко”, показалось море, но до него маленькому Мише топтать и топтать – “далеко”».

Эти слова определяли не предмет, а ситуацию, в которой тем или иным образом оказывался Миша, а в первом случае еще и действие, какое он должен был осуществить. Один из родителей другого моего ученика поделился с папой Миши коллекцией подходящих карточек, так что поле деятельности было вполне обеспечено.

Уезжая, я оставила родителям Миши номер своего телефона, а также электронный адрес своего племянника (Тимур на это согласился, а что еще ему оставалось делать?) – звоните, пишите, задавайте вопросы. Первый звонок раздался в сентябре, сразу по возвращении моем в Москву, второй – 8 марта. Папа Миши сообщил о дальнейшем физическом развитии сына и просил о новой встрече приближающимся летом. Если фотографии папы и мамы Миша продолжает сравнивать, то до всего остального дело как-то не дошло. Что тут можно сказать?

Может быть, занятия Мишиного папы не самый удачный пример участия отца в воспитании и образовании ребенка, но, по крайней мере, это не безразличие, не отстранение, а желание быть со своим ребенком во всем, чего бы это ни касалось.

Многие родители перепоручают обучение ребенка исключительно педагогу – он этому обучен, дело свое знает, кому же и заниматься, как не ему? И первое место в этом отношении занимают отцы, опять-таки – не все, разумеется, но многие. Вот как это зачастую выглядит.

Отец приводит ребенка ко мне на урок, и на этом его обязанности заканчиваются – он сделал все, что должен был сделать. Папа садится на табуретку в коридорчике между комнатой и кухней и углубляется в созерцание своего планшета – происходящее в комнате его не интересует. Время от времени на лице его вспыхивает улыбка: суббота, 11 часов утра, выловил из утренней развлекательной программы что-то забавное и от души веселится.

Это по субботам. В будний день он привозит с собой довольно громоздкий компьютер, устанавливает его у себя на коленях и сосредоточенно, не отрываясь от дела, работает. Нас с ребенком он не удостаивает ни единым взглядом.

Есть еще один папа с компьютером. Этот папа время от времени отрывается от компьютера, вглядывается и вслушивается, пытаясь понять, о чем мы разговариваем с его сыном, после чего возвращается к работе. Папа без компьютера, зато с мобильником, постоянно отлучается, уходит в глубь коридора, до кого-то дозванивается, либо этот кто-то звонит ему.

– Скажите, вам неинтересно, как и чем занимается ваш сын на уроке? Как он ведет себя, отвечает ли на вопросы, слушает ли мои объяснения? Всякий раз я по крупице добавляю что-то новое к тому, чем мы занимались на прошлом уроке, вы же должны знать, что дома делать?

– С ним жена занимается. Вы ей позвоните и объясните.

Мало того, что я провела уроки, я еще должна позвонить каждому из своих учеников домой и рассказать в подробностях, чем мы занимались. Так можно и на скрипке учить играть, и на фортепьяно – по телефону. Почему нет?

Как-то в Петербурге я проводила семинар для родителей детей с синдромом Дауна. Не могу сказать точно, сколько было мам на этой лекции, но отец был один. Очень показательно. В Калининграде не было ни одного. Как мамы, так и папы любят своего ребенка совершенно одинаково. Хотелось бы только, чтобы усилия по его обучению были совместными в полном смысле этого слова. Обязательно! От этого выиграют все.

Папа, как известно, глава семьи, отцы в большинстве случаев осуществляют общее руководство, всякого рода частности их не касаются. Мама ездит с ребенком на уроки, исправно сидит с ним у меня на диване с карточками, книжками, картинками и тому подобным обучающим материалом, процесс отлажен, жена – человек надежный и со всем справится сама. Однако я знаю семью, где папа и мама поменялись ролями – мама работает, а папа сидит дома с ребенком. Папа – композитор, сочинения типа прелюдий, сонат и симфоний сейчас не в ходу, а писать расхожие песенки сможет и захочет не каждый уважающий себя выпускник солидного музыкального заведения, каковым является Московская консерватория. По этой причине папе поручена работа по хозяйству и уход за ребенком.

Ребенок ухожен, обут, одет, накормлен, папа варит дочке вкусные супы, гуляет с ней, во время прогулки носит ее на плечах, по ходу дела объясняя в подробностях все, что попадаетеся им на глаза. Если маршрут проходит вдоль речки, папа рассказывает дочери о водоемах, употребляя именно это слово: речка – это водоем, а водоемы бывают разные, к водоемам, помимо рек, относятся также озера, водохранилища и все в этом роде. За лекцией о водоемах следует лекция о декоративных насаждениях, ибо они с Мартой незаметно для себя оказались на территории оранжереи. Перед тем как забраться папе на плечи, сесть в такси либо за столик в кафе (дело происходит в Вильнюсе), Марта должна сказать несколько развернутых фраз соответственно тому, что она собирается делать. Этим фразам я обучаю ее на уроке, в целом она с ними справляется, теперь их надо довести до совершенства. Разъезжая по городу на папиных плечах, Марта не произносит ни слова, а папа этого и не требует.

Примерно ту же картину я наблюдаю на уроке, если Марта приходит на урок с папой – ничего из того, что требуется. «Не беспокойтесь, дома с Мартой занимаюсь я», – сказала мне ее мама, добросовестная, трудолюбивая и надежная женщина. Кончилось все тем, что я категорически запретила папе Сергею заниматься с дочерью и появляться у меня на уроках – единственный случай за 20 с лишним лет практики. Это не помешало Сергею объявить себя моим последователем, вслед за чем он открыл в интернете всем теперь известный сайт.

Что я могу сказать по этому поводу? Мешанина, которую он демонстрирует, выдавая ее за мой метод, это извращение авторского метода, уж не говоря о незаконном его присвоении.

И самому Сергею, и тем родителям, которые обращаются к нему за советом, я могу порекомендовать следующее: возьмите мои книги, составьте по ним конспект, соотнесите его с тем, что вы делаете, – это поможет вам обнаружить свои ошибки.

Полный антипод папе Сергею – папа Александр. Раз в неделю вот уже не первый год из города Ярославля – пять часов туда, пять часов обратно – в сопровождении папы приезжает ко мне Максим К. Звонок в дверь раздается минута в минуту, если они задерживаются хотя бы на 5–10 минут, папа обязательно меня предупреждает. Войдя в квартиру, мальчик располагается рядом со мной на диване, папа в некотором отдалении садится на стул. Максим вытаскивает карточки, альбомы, книги, а папа – тетрадь, в которую будет записывать мои замечания. Но не только. Стоит мне дать Максиму для прочтения адаптированный мною текст какой-нибудь сказки, и на следующий урок я получаю этот текст уже не на отдельных листочках, а в виде книжки с обложкой и извлеченными из интернета иллюстрациями – неважно, что в книжке всего 3–4 страницы и текст занимает очень мало места. К работе над книгой привлекается старший сын, вдвоем они с папой вырезают, komponуют, наклеивают, и наша общая библиотека сказок пополняется новым изданием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.